

ражению К. Р. Поппера (посвящение к его «*Ницете историцизма*»). На таких законах обычно основана претензия автора на роль пророка бедствий, «которые нельзя полностью предотвратить, но уберечься от которых можно» (Гумилёв 1990: 6).

III.1.2. О. Шпенглер и его «гётевский метод»

Иррациональность законов культурной эволюции очень заметна у О. Шпенглера. Не раз он подчёркивает, что культуры доступны не рациональному объяснению, а лишь интуитивному пониманию. В основе их лежат «прафеномены» (термин, взятый из натурфилософии Гёте), выделенные чисто интуитивно. Так, мы должны поверить автору на слово, что у античной культуры душа «аполлоновская», у византийской и арабской — «мистическая» (более того, что мистика характерна для этой культуры более, чем для всех прочих), а у европейской — «фаустовская».

Однако Шпенглер попал в ловушку, часто подстерегающую эпигонов. Преклоняясь перед Великим Веймарцем, он взял из его учения как раз самые слабые и даже ошибочные стороны. Дж. Холтон, описывая модельный каркас антинауки, замечает: «Он приложим к Гётевскому антиньютонианству и к визионерской “физике” У. Блейка...» (Холтон 1992: 53). Действительно, И. В. Гёте вторгся в физику не только как философ, но и как биолог, «опровергнув» ньютоновскую оптику лишь одним неудачно поставленным опытом (в котором ему не удалось разложить белый свет на спектр). Как выяснилось позднее, обнаруженные им факты хотя и реальны, но относятся не к физике света, а к физиологии зрения — там и пригодились его идеи. Тем не менее, Гёте больше всего настаивал именно на своей ошибочной теории (на истинных теориях настаивать незачем — их можно доказать). И.-П. Эккерман, секретарь Гёте в последние годы его жизни, отмечает:

«Я не похваляюсь тем, что я сделал как поэт, — часто говаривал Гёте, — превосходнейшие поэты жила одновременно со мной, ещё лучшие жили до меня и будут жить после. Но то, что в наш век в многотрудной науке, занимающейся проблемами цвета, мне одному известна истина, это преисполняет меня гордости и сознания превосходства над многими» (Эккерман 1981 {1836}, запись от 19 февраля 1829).

Итак, он видел свою главную заслугу именно в учении о цвете, а не в своих реальных естественнонаучных достижениях и даже не в «*Фаусте*». Между тем его подлинные заслуги перед наукой и без того велики. Достаточно одного лишь открытия межчелюстной кости у человека (её отсутствие считалось главным аргументом против происхождения человека от животных), достаточно того, что для этого открытия понадобилось разработать метод типологических рядов, позже ставший одной из основ археологии (ср.: Клейн 1991: 35, 62—63).

Безусловно, Гёте не был лжеучёным, тем более — по меркам своего времени. Но его пример — пример «Олимпийца», способного сказать последнее слово в любой сфере, — вдохновил многих, у кого амбиций было гораздо больше, чем у Гёте, а заслуг — несравненно меньше. Кроме того, Гёте подошёл к незнакомой сфере не как мистик («магия» в его «*Фаусте*» — едва ли не внешняя форма), а как естествоиспытатель-рационалист, публично признававший себя сторонником философии Б. Спинозы, и даже как поэт и «мудрец-естествоиспытатель», оперирующий синтезом, а не анализом (Вернадский 1946), к тому же он обладал энциклопедическими знаниями. Дилетантам же, прикрывавшимся его примером, приходилось признавать непонятные для них вещи *иррациональными* и заклинать природу и чи-

тателя ссылками на «гениальные догадки» Учителя: мол, на меня руку поднимете — на самого Гёте, национальную святыню, замахнётесь! Освальд Шпенглер, пожалуй, — один из ярчайших случаев такого рода.

III.1.3. А. Дж. Тойнби: христианский эволюционизм

По А. Дж. Тойнби, весь исторический процесс — результат борьбы между Богом и дьяволом, который пытается исказить Творение, но тем самым лишь даёт Богу простор для нового творчества (Тойнби 1991: 107—113). Ведь мир, изначально созданный Творцом, был лучшим из возможных, а значит — неспособным развиваться к ещё большему совершенству (оно ведь не имеет степеней сравнения).

Для историка XX века такое обоснование выглядит более чем странно. По сути, оно равносильно ссылке на «неведомую причину». Не раз А. Дж. Тойнби упоминает также борьбу между Инь и Ян — как мифологических символов для состояний статики и динамики соответственно (: 94). Между тем китайское учение «инь-ян» — это стихийная диалектика на уровне досократиков, поэтому можно было бы ссылаться и на категории Гегеля.

Оба фактора сочетаются у Тойнби весьма причудливо: «Прибегая вновь к языку мифа, можно сказать, что импульс или мотив, который заставляет совершенное состояние Инь перейти в стадию деятельности Ян, исходит от вмешательства Дьявола в божественную Вселенную» (:108). Во всяком случае, Тойнби больше занимает феноменология исторического процесса, чем его первопричины. Уже после 1-й книги ссылки на дьявола у него исчезают (хотя Бог остаётся).

Религиозность спасает Тойнби от антигуманности многих его коллег по цеху, но в научном смысле играет с ним злую шутку. По его теории, после надлома «внутренний пролетариат» (творческие личности, не допускаемые к решению проблем) должен организоваться в чисто идеологическую организацию — «вселенскую церковь», выдвигающую новую, высшую религию. Эта церковь переживает гибель своей цивилизации и после нескольких «тёмных веков» даёт начало новой. Так христианство пережило Римскую империю и стало основой культуры средневековой Европы, которая теперь то ли переживает надлом, то ли способна его избежать (в разные периоды автор отвечал на этот вопрос по-разному). Если надлом произошёл, то выход для Европы один: новая религия *выше христианской*, которая если и не спасёт западную цивилизацию, то не даст погаснуть жизни вообще. Но Тойнби — верующий христианин (по крайней мере, в период написания *«Постижения истории»*) и допустить такую новую религию не может, поэтому будущее для него туманно. Так происходит всегда, когда в научное сочинение переносятся догматы личной веры учёного. Правда, к концу жизни взгляды этого автора, похоже, сильно изменились. В диалоге с Дайсаку Икэда, главой японской буддийской организации *«Сока гаккай»*, он отверг монотеистические религии, проводящие слишком резкую грань между Богом и миром, и высказался за возвращение к пантеизму (Тойнби, Икэда 1998: 379, 380—389)⁵¹.

⁵¹ По правилам транскрипции для японского языка, принятым в академических изданиях СССР (система Е. Д. Поливанова), эта фамилия должна писаться «Икэда», но в ссылках приходится соблюдать форму, использованную в цитируемом издании.